

Маффину, ее Жеке и их плюс один

Глава 1

Ксюша

Если хотите знать, ноябрь — самый отвратительный месяц из всех существующих. Кому вообще хочется жить в ноябре? Все серое, грязное, грустное. Рукой пошевелить и то сложно, не говоря уже о том, чтобы улыбнуться.

Вот и сейчас я сижу на лавочке и мрачно изучаю пятиэтажку напротив, через пруд от меня. Словно специально рассветное солнце нехотя выглядывает из-за домов и окрашивает в ярко-желтый цвет единственный балкон. Но на фоне потертой стены и других уставших окон, этот балкон смотрится скорее нелепо, как золотой зуб во рту у цыганки.

Верчу крупное железное кольцо на озябшем тонком пальце и отодвигаю руку подальше, чтобы взглянуть на украшение. Там написано «sad but sexy», и оно мне очень нравится. Я посмотрела в интернете и у меня чуть глаз не выпал от того, сколько оно стоит. Не знаю, сколько Сашке пришлось работать, чтобы сделать мне такой подарок. Зато теперь, каждый раз, когда смотрю на руку, мне становится тепло от мысли, что друг меня настолько любит и ценит.

Убираю руки в карманы куртки и передергиваю плечами. Холодно и зябко сегодня. Ноябрь, чтоб его.

— Привет, Булка, — слышу низкий голос справа.

— Привет, Сань.

Голос у него сломался очень рано, еще лет в одиннадцать. Но вот таким, чуть ленивым, он был всегда. С детства говорил так, как будто через силу.

— Что случилось? — он присаживается рядом со мной. Только не на скамейку. Он садится на спинку, а ноги ставит рядом со мной.

Бросаю на него недовольный взгляд, а потом снова смотрю на дом напротив.

Говорю:

— Тут люди сидят в чистых куртках.

— А у меня очень чистые ботинки.

— Ага, видела я, где ты ими ходишь.

— В твоём сердечке? — Саня по-хулигански улыбается и убирает длинные волосы ото лба назад.

Я саркастически закатываю глаза:

— О да, Чига, люблю тебя, не могу! И твои чистые ботинки.

Он прикладывает одну руку к груди, а другую ко лбу и страдальчески морщится. Говорит театрально:

— Как бы я хотел услышать эти слова, но без яда в твоём голосе!

Пока я качаю головой и снова разглядываю золотой балкон в доме напротив, Саня резко перестраивается. Достает из кармана хрустящий крафтовый пакет и протягивает мне:

— Держи. Может, настроение поднимет.

Аромат свежей булочки, даже запертой в бумаге, тут же достигает моего носа. Рот наполняется слюной, а я действительно почти готова улыбнуться.

Хватаю подарок, разворачиваю и впиваюсь зубами в свежее тесто. Пережевывая, говорю:

— Спасибо, Чига.

— Да, — ворчит он, — то иди на хрен, то спасибо, Чига. Так что у тебя случилось?

Сосредоточенно жую, глотаю. Откусываю снова, опять жую, глотаю. Совершая механические движения, совсем ничего не чувствую. Кроме сладости теста и корицы. Саша не торопит, достает из кармана пачку сигарет и вертит в пальцах.

Я наконец говорю:

— Мама беременна.

Всего два слова, но они даются мне катастрофически сложно. Зажав тремя пальцами остатки булочки, оставшимися двумя снова кручу свое кольцо. Мир вокруг, и до того серый, приобретает еще более приглушенные цвета.

Прислушиваясь к себе, понимаю, что мне не больно и не страшно, как я посчитала сегодня утром, когда только узнала. Не ревностно. Не беспокойно. Никак. Мне абсолютно никак.

— Ого, — говорит Саша.

Я киваю. Это действительно «ого». А что тут еще скажешь? Снова кусаю булочку. Моя любимая, с корицей. В жизни ничего вкуснее не пробовала.

Говорю:

— Да по сути, ничего страшного.

— Поэтому ты сидишь тут уже сорок минут?

— Сань, — говорю вяло, но с претензией на строгость, — не сорок.

Он прикладывает к моему носу костяшки пальцев:

— Тридцать пять? Нос холодный.

— Значит, здорова, — хмыкаю я.

— Вроде должен быть еще и влажный.

— Сморгнуться тебе в руку?

Саша достает сигарету:

— Сочту за честь.

Я недовольно морщусь, глядя на дым, который он выдыхает в серое небо.

Говорю:

— Фу, Чига, воняет. Волосы мне опять испортишь.

Саня игнорирует. Большим пальцем чешет свой прямой нос, снова затягивается. Я смотрю на его красивый греческий профиль. Он поворачивает голову, ловит мой взгляд, подмигивает. Спрашивает:

— Нравлюсь?

Смотрю на него без всякого выражения. Ничего внутри не ворочается, не откликается, тихо там. Никаких эмоций.

Саня меня знает, поэтому ответа не ждет, снова становится серьезным и уточняет:

— А от кого?

— От последнего.

— От последнего, который еще действующий? Или это предыдущий?

— Действующий. — Комкаю крафтовый пакет и швыряю в урну, но промахиваюсь. — Любитель подглядывать.

Зажав сигарету губами, Саня поднимается и идет к комку бумаги на асфальте, подбирает и прицельно кидает в мусорку. Выдыхает дым, смотрит на меня, сощурившись:

— Лешка-звездочет? Будет батеи твоего братика?

— Или сестрички.

Солнце скрывается за тучей, и золото пропадает с лица дома напротив. Цыганка смыкает губы и перестает обещать светлое будущее, только сулит неприятности.

— Слушай, ну зато она в завязке будет, — говорит Саша.

Я поправляю шапку-бини и отмахиваюсь:

— Да мне их тусовки до одного места. Думаешь, она теперь резко святой станет?

— В прошлый раз же стала.

Молча смотрю на друга, приподнимаю правое плечо в неопределенном жесте. Я обсуждать эту тему не очень люблю, стыжусь своих эмоций.

Чигарев тушит сигарету о бортик урны, высекая искры, и выкидывает бычок. Снова убирает волосы с лица. Я подпираю подбородок ладонью и говорю:

— Ты когда подстрижешься?

— Когда ты мне дашь, — хмыкает он, недвусмысленно улыбаясь.

— Ну, ходить тебе косматым до конца жизни.

Саша смеется, подходит ко мне и упирается кроссовкой в бортник лавки. Наклоняется и дергает за металлическое кольцо на моей шапке.

Говорит:

— Ни капли сочувствия.

— К чему? К твоим гормонам?

Чига картинно пошатывается, приложив руку к груди. Патетично восклицает:

— Ксю, жестокая ты женщина! Я ужасно оскорблен. И мои гормоны тоже.

Не выдержав, я улыбаюсь. Выпустив наружу легкий смехок, качаю головой:

— Ну ты и клоун.

— Какой есть, Булка. Может, пойдём? Замерзнешь.

— Давно уже.

— Да, лет семнадцать как, — бормочет Саня и протягивает мне руку.

Я встаю с лавочки и снова ежусь. Чига натягивает мне на голову капюшон и, удерживая его двумя руками, спрашивает:

— Ксюх, а если серьезно, ты как?

— Ровно.

Он кивает, не отпуская меня. Смотрит, как будто до самого нутра добраться хочет. Взгляд встречаю покорно и, как всегда, вяло. Пусть хоть на жилы меня разберет, все равно.

— Паршиво будет, если они поженятся, но переживу как-нибудь. Ну, замок еще один в ванную поставим, — улыбаюсь другу, — поможешь?

— Да хоть десять, — Саня тоже мне улыбается и отпускает мой капюшон, — погнали?

Киваю и беру его под руку. К школе идем годами отточенным путем. Огибаем пруд, проходим мой дом, дворы-дворы, потом через сквер, и вот оно, серое здание, которому давно уже нужен ремонт, как и всему

нашему району. Иногда хочется, как в компьютерной игре, навести курсор на наши улицы и дома и щелкнуть так, чтобы они преобразились. Как будто это может и нас изменить.

Сашка восторженно рассказывает мне о новом сериале, детально описывая сцены, которые ему особенно понравились. Киваю, иногда смеюсь, слушаю с интересом. Чига хорошо разбирается в кино, потом смотреть интереснее, когда знаешь, на что обращать внимание.

Оборвав себя на полуслове, он кивает в сторону и говорит:

— Смотри, новый.

Слежу за его взглядом и фыркаю, глядя на яркую вывеску «Мангозин».

Говорю со смехом:

— Обожаю!

— Запишешь?

— Конечно, такого у нас еще нет.

Достаю телефон и открываю записку, к которой есть доступ у меня и у Сани. Туда мы собираем названия магазинов, которые веселят нас своей якобы креативной задумкой. Не то чтобы я смогла придумать что-то лучше, если бы передо мной стояла такая задача, но хихикать над другими в любом случае приятно. Вот Саня бы смог. У него голова как будто к космосу подключена.

— Скоро станет совсем холодно для твоих юбок, — Чига кивает на мою красную клетчатую юбку в складку.

— Для них никогда не холодно.

— Разве что в шерстяных трусах. У тебя шерстяные? Как белый оренбургский платок.

— Ценю твой креативный подход при попытке узнать цвет моего белья, Чига.

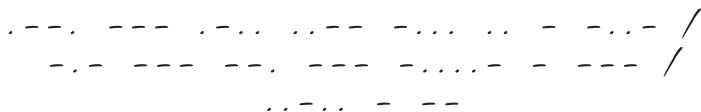
Друг смеется, чуть запрокинув голову, а я, проследив за тем, как движется его кадык, смотрю, как он

веселится. Сколько бы мы ни отвешивали спорных шуток по поводу наших отношений, с Саней я всегда чувствую себя в безопасности. В моей жизни это очень ценное ощущение.

— У юбки такая длина, что цвет твоего белья вся улица видит. Нашла, блин, секрет.

Он говорит беспечно, но тем не менее берется за край теплого бомбера и дергает куртку вниз.

Хмыкаю и ничего не отвечаю. Чигарев вечно стебет меня за внешний вид, привыкла уже. Да и, если честно, мне все равно.

Мы поднимаемся на крыльцо школы по узким длинным ступеням, прикладываем карты и проходим через «вертушку».

— Ксюш! — слышу оклик сбоку.

Повернув голову, вижу Макса Назарова из параллельного. Наш школьный красавчик. На внешность сладкий настолько, что аж зубы ноют. Стоит с друзьями, привалившись плечом к стене. Вызывающе самоуверен.

Я вопросительно приподнимаю брови, не прекращая движения.

Он, повысив голос, бросает мне:

— Ножки — огонь!

Я высовываю язык и провожу по нему средним пальцем, который затем демонстрирую Макссу. Он начинает хохотать, а я отворачиваюсь и этой же рукой шлепаю себя по ягодице.

— Войнова, я тебя поймаю когда-нибудь! — кричит Назаров мне вслед.

Саня дергает подбородком и неодобрительно замечает:

— Зря ты его провоцируешь.
— Обожаю провокации.
— Да это я как раз знаю, Булка. Просто переживаю. Скидываю куртку и впечатываю ее другу в грудь:
— Поседеешь за меня беспокоиться.
— Да, — он закатывает глаза и идет в раздевалку, — с пятого класса крашу волосы.

Не знаю, почему он сказал именно с пятого, потому что во все мои неприятности Саня впрягается с первого. Нам было по семь, когда он повалил на пол Колю Заболотного и остервенело душил его маленькими кулаками, пока учительница не оттащила Чигу за шкирку.

Тогда Коля, конечно, был виноват. Двинул мне учебником по лицу, и у меня из носа пошла кровь. Но это я изводила его все сорок минут урока, а кровотечения у меня бывают часто — слабые сосуды.

— Готова к диктанту? — спрашивает Саня, когда мы поднимаемся по лестнице.

Я постукиваю себя пальцем по виску:

— Эта голова всегда готова к диктанту.

— Ну, значит, и я в полной боевой.

— Сто проц. Но с тебя геометрия.

— Да знаю. Схема-то отработана.

Я киваю. А потом вдруг спрашиваю:

— Помнишь Колю? Заболотного.

— Конечно. Он после пятого в соседнюю школу перевелся, но мы в одну качалку с ним ходим, и на районе он мелькает. А что?

Я пожимаю плечами:

— Да ничего. Просто. Вспомнилась ваша драка в первом классе.

Чига поворачивается на меня и молча смотрит в лицо своим цепким взглядом.

Я ежусь:

— Рентгеном не хочешь подрабатывать? Иногда так посмотришь, оторопь берет.

Он не отвечает, только тянет меня за локоть и заставляет поменяться с ним местами, чтобы я шла ближе к стене. А сам смотрит вниз между перил и бросает туда:

— Назар, побереги глазки.

На что Макс отзывается снизу своим фирменным развязным смехом. Я качаю головой и верчу на пальце крупное кольцо.

Замечаю:

— Нет там ничего такого, что я бы берегла.

— Что, даже не будем устраивать конкурс, кто первым должен сорвать твой цветочек?

— Репейник придорожный, — хмыкаю.

Мы доходим до четвертого и прежде, чем пройти на этаж, Чига берет меня сзади за шею, заставляя замереть рядом с собой на лестничной клетке.

Наклоняется и тихо говорит:

— Бедовая ты, Ксюха. Я твой репейник себе заберу, если ты им раскидываться так собралась.

Я выкручиваюсь из его хватки и иду вперед.

Говорю:

— Бесит твоя самоуверенность, Чига.

Класс уже открыт, я захожу, здороваюсь с одноклассниками и сажусь за нашу с Саней парту. Первый ряд, четвертая. С семи лет там сидим, за эту возможность Сашке тоже пришлось повоевать.

Достаю из рюкзака пудреницу, поправляю черный карандаш, который поплыл на нижнем веке, пальцами прочесываю свои розовые волосы. Позавчера обновила цвет, так что они выглядят очень яркими. Как я люблю.

Чига обходит друзей, со всеми смеется, что-то обшудает. Наш «Мистер Общительность».

Наконец садится рядом, достает какие-то ручки, не смотрит на меня. Чига часто вот так отстраняется, когда я его допекаю. Но ничего, он отходчивый, нужно будет просто подождать.

Заходит русичка, и все нехотя расходятся по своим местам. Все, кроме Сани. Он сидит на парте, раскинув колени в стороны, смеется над какой-то шуткой Пашки Смольникова.

— Доброе утро, одиннадцатый «А». Как вы помните, у нас сегодня диктант.

Мы коллективно стонем. Она раскладывает на столе тетради и с сарказмом сообщает:

— О да, я тоже этому событию безумно рада!

Саня снова хохочет, хлопнув себя по коленям. Антонина Петровна упирается кулаками в стол и рывкает:

— Так, Чигарев! Сними свою пятую точку с парты и усади ее на стул!

Саня наконец реагирует и садится как положено, изображая вселенскую скорбь.

Говорит:

— Вы гасите мою индивидуальность, Антонина Петровна. Боюсь, теперь я плохо напишу диктант.

Русичка застывает на нем взглядом, тяжело вздыхает:

— Чигарев, если бы ты не был таким умненьким, за свои выходки уже давно вылетел бы отсюда к чертовой матери.

— То есть, к моей? — беспечно уточняет Чига.

— Сядь и замолчи уже Христа ради! Не знаю уже, каких богов к тебе призывать!

— Так вы к бесам обращайтесь, у меня с ними коммуникация лучше налажена, — ухмыляется Саня.

Я хмыкаю. Чига знает, что русичка из наших самая стойкая, он всегда ходит по краю, но обычно знает, когда нужно остановиться.

И сейчас они точно продолжили бы спорить, но дверь в класс вдруг открывается, и заходит девчонка. Не дожидаясь разрешения, она сразу проходит к доске и там останавливается.

Антонина Петровна бросает на нее только быстрый взгляд и продолжает листать свои пособия. Говорит:

— Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда, Елизавета. Поздравляю, это ваша новенькая, которую вы все с сентября ждали. Вишнякова Лиза.

Я ощупываю ее быстрым взглядом. Короткая черная юбка в складку перехвачена массивным ремнем под кроп-топом. Ее волнистые темные волосы лежат на плечах, а такие же темные глаза пытливо изучают наш класс. Ни капли стеснения, сплошной гонор. Мне хватает двух секунд, чтобы решить, что она мне не нравится. Очень.

— Вот это тянка, — медленно проговаривает Саня.

— Терпеть не могу этот идиотский сленг, — говорю, дернув плечом.

— А есть хоть что-то, что тебя во мне не раздражает?

Тон какой-то непривычно злой, и я недоуменно поворачиваюсь к другу:

— Чего?

— Все утро кусаешься.

— Я всегда кусаюсь, Чига, — огрызаюсь, кажется, грубее, чем следовало бы.

Смотрим друг на друга, нахмурившись. Взгляд его карих, с зелеными вкраплениями, глаз, как обычно, пытается пробиться мне внутрь. Но, боюсь, там все намертво выморожено. Он должен это знать.

Саня щурится и усмехается. Ложится на парту, наблюдая за тем, как новенькая идет по проходу. Тихо говорит, чтобы услышала только я:

— Не знаю, почему ты злишься. Девчонка объективно симпатичная.

Я криво улыбаюсь. Смотрю, как Вишнякова садится за парту перед нами, как Саня подтирает подбородок ладонью, как разглядывает ее голую спину, когда она наклоняется, чтобы поправить шнурки на ботинках.

И вдруг понимаю, что мне неприятно.

Чувство странное. Какое-то темное и кусачее. Я прикладываю ладонь к солнечному сплетению, как

раз туда, где изнутри меня как будто прихватывают зубами. Настороженно замираю.

Потом снова улыбаюсь. Обеими руками заправляю розовые волосы за уши и берусь за ручку.

Ложная тревога. Пусть знакомятся, общаются, дружат. Пусть даже мутят, если захотят. Мне все равно.

Смотрю на Антонину Петровну и концентрируюсь на том, что она уже диктует первое предложение. И своим круглобким почерком начинаю за ней записывать. Хорошо, что напрягаться при этом особо не приходится, вроде бы это называется «врожденная грамотность». Спросите меня о правилах, в жизни не вспомню. А если расслабиться и просто писать — ни одной ошибки не сделаю.

Краем глаза вижу, что Чига стреляет взглядом в мою тетрадь. Ну конечно, обиды обидами, а списывать ему больше не у кого.

Могла бы отгородиться от него, но я же не сволочь. Подумаешь, порычали друг на друга. Моя старшая сестра говорила, что транслировать злость всегда проще на того, кто ближе. Не то чтобы я сильно ей доверяла, но звучит вроде бы логично. Да и Вероника учится на психолога, что-то им там, наверное, все-таки объясняют о том, как люди устроены. Лучше бы рассказали, как не быть предателем, может что и поняла бы.

Чига толкает меня локтем, и я понимаю, что зависла стержнем ручки над тетрадью, и давно уже ничего не пишу.

Поспешно говорю:

— Антонина Петровна, а что там после «клонились к воде»?

— Войнова, я не заметила, чтобы ты выходила два предложения назад.

Я обворожительно улыбаюсь:

— Я отвлеклась. Проверяла предыдущее на ошибки. Ну пожа-а-алуйста!

Русичка вздыхает, устало трет лоб пальцами и быстро диктует мне то, что я пропустила. Одного раза мне достаточно, чтобы записать без ошибок. Саня строит за мной, а я стараюсь скрыть победную улыбку. Всего-то нужно было соорудить жалобную мордочку.

Когда мы заканчиваем, я забираю у Чигарева тетрадь, отношу ее вместе со своей на учительский стол и возвращаюсь.

Все мои мышцы напрягаются, губы сжимаются, брови против моей воли сходятся на переносице. Потому что Чига — ну разумеется! — болтает с новенькой.

Ладно, похоже, мне придется приложить чуть больше усилий, чтобы ее терпеть.

Забираю с парты свою ручку, наклоняюсь к рюкзаку на полу и слышу:

— Ксюх, это Лиза.

— На память и слух не жауюсь.

Разгибаюсь и ловлю на себе насмешливый взгляд черных глаз, что моментально зажигает во мне раздражение.

Вишнякова закидывает ногу на ногу и говорит:

— Ауч, какая колючая. Прямо вся болит.

— Что, прости? — изображаю вежливую улыбку.

— Да так, ничего.

Чуть подаюсь вперед, опираюсь на парту костяшками пальцев, вкрадчиво говорю:

— Раз ничего, тогда ротик прикрой.

Я жду чего угодно. Грубости в ответ, трусости, защитного юмора. Но она вдруг заходится громким смехом. Это, честно говоря, обескураживает. Долгие секунды я не могу взять себя в руки, а просто смотрю, как эта смуглая девчонка хохочет. Надо мной!

— Характер не только в каждой фразе, но еще и в фамилии, — говорит она, показательно утирая несуществующие слезы, — класс.

Не нахожу ничего лучше, как злобно бросить:

— За своей фамилией следи.

— Она цыганская, — беспечно отвечает Вишнякова и встает, — покажете, где следующий урок?

— Да, погнали, — говорит Чига и заставляет меня задохнуться от возмущения.

Серьезно? Может, еще дружить втроем станем?

Закидываю рюкзак на плечо и говорю:

— Идите.

— Ксюх.

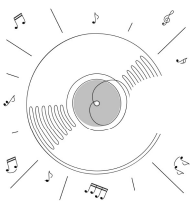
— Я в туалет, — бросаю через плечо, уже двигаясь к выходу из кабинета.

— Ксюх!

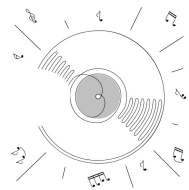
— Что?! Пописать нельзя?! — рывкаю.

На ходу достаю наушники и дерганными движениями распутываю провода. Бесит, что вечно собираются в клубок намертво. Бесит!

Наконец справляюсь, и все окружающие звуки тонут в музыку, которую я врубаю на максимальной громкости. Беззвучно повторяю вслед за текстом: «Ты мне руку протяни, сколько там тебя осталось? Тает огонек в тени, ты как свечка угасаешь».

Polina Offline – Свечка

Закрываюсь в кабинке и прислоняюсь спиной к стене, исписанной признаниями в любви и оскорблениями примерно в равных пропорциях.

Прикрываю глаза и отвлекаюсь на трек. Пальцами выстукиваю ритм по бедру, обтянутому тонким черным капроном. Выгоняю из головы все мысли. И в конце концов достигаю такого дзена, что, когда в дверь ка-